

Вопрос **Инфо**

Уважаемые участники!

Олимпиадное задание по направлению «Культурология» состоит из двух частей:

Инвариантная часть представлена заданием № 1. Его нужно выполнить всем участникам.

Вариативная часть разделена на треки:

- Трек «Восточноевропейские исследования»: задания № 2-4
- Трек «Мусульманские миры в России»: задание № 5
- Трек «Культурные исследования»: задание № 6
- Трек «Классический и современный Восток»: задание № 7-10

Вы можете сосредоточиться на выполнении заданий одного трека (чтобы претендовать на статус дипломанта I, II, III степени) или постараться максимально результативно проявить себя в любых двух треках, чтобы претендовать на статус медалиста.

Все задания выполняются в этой системе: решения вносите в специальное поле для ответов. Использование сторонних ресурсов и справочных материалов строго запрещено.

Верим в ваш успех!

Вопрос **1**

Балл: 30,00

Инвариантная часть. Это задание необходимо выполнить всем участникам

Напишите на русском языке аннотацию научной статьи:

[Olga Sedakova. Reflections on Averintsev's method](#)

Объем аннотации – 1 тыс. знаков

Вопрос **Инфо**

В рамках трека «Восточноевропейские исследования» вам предлагается **выбрать одну из предложенных цитат и написать эссе, предварив его аннотацией**, в котором раскрывается исторический и возможный актуальный смысл приведенного высказывания (язык написания эссе – русский, язык написания аннотации – английский, немецкий или польский по выбору автора). Максимальный балл за задание – 70.

При написании нескольких эссе по данному треку оцениваться будет только одно из них на усмотрение жюри. Апелляции на выбор эссе для проверки не принимаются.

Вопрос 2

Балл: 70,00

Напишите эссе, предварив его аннотацией, по этой цитате или перейдите к другому вопросу

«Акция 87 г. в Венском Сецессионе — интервенция в храм искусства со своими табу, ограничениями, ритуалами, где проводили акцию. Насколько важна игра с табу в связи с искусством. В деревне видели расчленение животных, кровь, но как только это выводится в плоскость искусства, кажется, что это нарушение табу. Вывод низких практик на территорию сакральную искусства, из-за этого многие зрители шокированы. Важна ли граница пересечения и пересечение границы искусства и не-искусства? Не хотел нарушать табу, хотел, чтобы люди осознали, как табу появляются. Дать осознать, каким образом табу возникают, рождаются и почему это так восхищает — этот момент разрушения, слома табу. Но это не задача Г. Нича разрушать табу, они просто есть, был интереснее взгляд вглубь, за фасад».

Вопрос 3

Балл: 70,00

Напишите эссе, предварив его аннотацией, по этой цитате или перейдите к другому вопросу

«Центральный образ купаловского сюжета, разворачивающегося в Минске в 1918–1920 гг., — образ Микиты Зносака, мелкого служащего в дореволюционную эпоху: национальное самосознание Зносака очень лабильное. Русским он представляется как Никита Зносилов, а полякам как Никитиуш Зносиловский. Когда в город приходят немцы, он пытается мимикрировать и под них. Зносаку противостоит учитель Янка Здольник, считающий себя белорусом и призывающий Зносака разделить с ним эту идентификацию, от чего тот иронически отнекивается. Замечательны образы восточного и западного ученых. Первый говорит по-русски и считает Беларусь частью России. Он считает белорусский язык в общем русским, но с примесью инородных слов. Западный ученый, напротив, говорит по-польски, и его воззрения на Беларусь прямо противоположны взглядам восточного ученого. Важно понимать, что и Зносака, и Здольника, и оба «ученых» — местные уроженцы. Иначе говоря, все они тутейшие. В своем анализе купаловской пьесы Рышард Радзик обратил внимание на то, что убежденный белорус Янка Здольник буквально утопает в авторской иронии. В изображении Купалы он не имеет никакой позитивной программы, кроме возвращения в село. Более того, он редкостный зануда, моралист и грубиян. Весь пафос высказываний Здольника состоит в том, чтобы критиковать людей с тутейшими корнями за безродный космополитизм. Как раз нечто подобное представители белорусского национализма и делали в ходе трех кратковременных пришествий во власть: в 1921–1927, 1943–1944 и 1991–1994 гг.»

Вопрос 4

Балл: 70,00

Напишите эссе, предварив его аннотацией, по этой цитате или перейдите к другому вопросу

«Интернационалистский характер» соцреализма раскрывается прежде всего в литературах социалистических стран — Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Югославии и — до определённой степени — ГДР и Польши. Многие же писатели капиталистических стран, которые представляют модернистские тенденции, развивают также критический реализм, но и они не избежали «творческого влияния» соцреализма, его концепции нового человека. Относительно социалистических стран Д. Ф. Марков признает, что они не свободны от модернистских тенденций, и сожалеет о том, что «в некоторых социалистических странах известная часть художественной интеллигенции все еще связывает социалистический реализм с узостью, схематизмом, нормативностью и потому относится к нему с недоверием или прямо не признает его». Тому виной — остатки догматизма в советской эстетике (которые персонифицирует, например, Геннадий Поспелов)».

Вопрос 5

Балл: 70,00

Прочитайте и проанализируйте фрагмент, ответьте, по возможности, на все поставленные вопросы. Можно предложить несколько гипотез, обосновав каждую.

Когда, как вы предполагаете, мог быть написан этот текст? Кто мог быть его автором — человек какого социального статуса, профессии, этнической и конфессиональной принадлежности? Каковы жанр и назначение этого текста, кому он адресован? В чем суть высказанных в этом фрагменте идей, каковы основные тезисы автора?

Предположите, как автор разовьет эти идеи в остальной, опущенной части текста, какое решение предложит он для поставленных им вопросов? К какого типа дискурсам обращается автор? Исходя из этого, как бы вы охарактеризовали в широком, типологическом плане мировосприятие автора, проявившееся в этом тексте? Присутствуют ли в приведенном фрагменте противоречия? Является ли он сложным и, если да, в чем заключена эта сложность?

Ответ готовится на русском языке. Объем ответа не должен превышать 7 500 знаков без пробелов. Ответ может включать разные предположения с аргументами за и против каждой из Ваших гипотез.

Присматриваясь к отношениям русской власти к покоренным и покоряемым татарским племенам, мы замечаем, что она мало знакома с почвой, на коей приходится действовать, мало знает татар, их внутренний быт и строй. Русское господство над татарами до сих пор, насколько мне известно, выразилось только в следующем: я владею, вы платите и живете как хотите. Это очень просто, но крайне бессодержательно... В самом деле, какого рода отношения должны существовать между татарами и русскими? Чем должны быть татары, русские мусульмане, в отношении к русским и обратно, русские в отношении к ним? К какой разумной хорошей цели стремится русская власть в отношении к инородцам-мусульманам? Что русские должны делать для них, как должны делать и чего требовать от них? Должны ли русские и русские мусульмане жить рядом на одной земле, под одним законом, как случайные спутники, соседи, или между ними следует развить более близкие родственные отношения, как между детьми великой семьи народов нашего обширного великого отечества?..

Где та идея, которая воодушевляет и служит источником отношений и регулятором действий русской власти в отношении русского мусульманства?

Культурология

В последние годы часто приходится читать и слышать о великой цивилизаторской миссии России на Востоке. Отлично, прекрасно. Но чем должна выражаться эта миссия? Неужели замена кадиев — уездными начальниками, наибов — приставами, бекетов — областями и губерниями, десятины — подушной и другими податями, шелковых халатов и бешметов — дворянским воротником исчерпывает все содержание этой миссии и больше ничего не остается делать?

Быть может, наше общественное положение, ограниченное воспитание и многое другое не дали нам возможности стать ближе к источникам внутренней политики нашего отечества; но по доступным нам наблюдениям на обширном по времени и пространству поле деятельности русской власти мы усматриваем лишь одно хорошее деяние, достойное великой миссии: — это уничтожение рабства там, куда проникла эта власть. И странное дело, рабство уничтожилось русскими среди азиатов в то время, когда оно процветало еще в недрах коренной Руси. Затем все остальные проявления русской власти среди мусульман не идут далее требований государственного фиска и ограждения общественной безопасности и порядка, выражавшихся во множестве законов, распоряжений, льгот, скоплавшихся в различных судах и правлениях и доходивших до мусульман только в форме звуков колокольчика станового или уездного начальника, да еще во множестве споров, межеваний, непонятных массе отчуждений, в открытии и закрытии школ, словом, во всем таком, что сменяло одно другие с быстротой крыльев ветряной мельницы, и в конце многолетней деятельности и затрат какой же результат? Общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края и, по окраинам, гибельная эмиграция!

Я глубоко убежден, что наши русские соотечественники не только не желали, но даже и не ожидали, не предвидели таких печальных результатов; что они были убеждены искренно, что дело цивилизации азиатов обстоит благополучно. Но, однако, от этого наличный факт не изменяет своего грустного характера.

Вопрос об инородцах, о мусульманстве в России, сколько мне известно, вовсе еще не обработан. Даже литература почти не представляет материалов к тому, а между тем, мне кажется, стоило бы подумать о нем. Провидение передало и передаст под власть и покровительство России массу мусульман с богатейшими землями, делает Россию естественной посредницей между Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоём...

Отсутствие строго намеченной, последовательной политики, воодушевленной высокой идеей распространения цивилизации среди русского мусульманства, чувствуется до сих пор и принесло немало горьких плодов как для нас, русских мусульман, так и для нашего отечества. Так, например, там, где можно было, мы бросали свои пепелища, святыни, родину и уходили Бог весть куда (крымцы, бессарабцы, кавказцы), а где уйти было некуда и нельзя, мы уходили в свой тесный мирок, отдаваясь ему всецело и не желая знать и ведать ничего, что не касалось близко нашего мирка и его узких интересов (мусульмане внутренних губерний). Русское мусульманство не сознает, не чувствует интересов русского отечества; ему почти неведомы его горе и радости, ему непонятны русские общегосударственные стремления, идеи. Незнание русской речи изолирует его от русской мысли и литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры. Русское мусульманство прозябает в тесной, душной сфере своих старых понятий и предрассудков, как бы оторванное от всего остального человечества, и не имеет иной заботы, кроме заботы о ежедневном куске хлеба, иного идеала, кроме указаний желудка...

Не странно ли, что мусульманские общества многих азиатских центров, как Константинополь, Смирна, Каир, Дамаск, Тунис и многие другие, — настолько опередили во всех отношениях общества русских мусульман, что среди тех мусульман вы чувствуете Европу, оживление умственной и нравственной жизни, слышите новые, далеко не азиатские идеи и стремления; между тем как современное состояние каких-нибудь бахчисарайцев, казанцев, касимовцев и прочих представляет нам материальную и умственную картину времен Иоанна Грозного, Ермака и Чобан-Гирея, с затхлой атмосферой неподвижности и застоя? Знаменательное и единственное исключение в этом отношении составляют немногочисленные общины литовских мусульман, разбросанных по Литве, которые, сохранив и строго охраняя свои мусульманские традиции, отлично усвоили европейскую культуру и образ жизни и умственно стоят во главе русского мусульманства...

Культурология

Не грустно ли, в самом деле, что русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации; бессильно вдохнуть новую жизнь, идеи и стремления в область русско-татарской мертвечины, не говоря уже о материальных преступлениях. Мало того, — я с болью должен констатировать, что при русском господстве пришли в некоторый упадок и те средства умственного развития татар, кои представлялись их школами и письменностью.

Только полуразрушенные, развалившиеся памятники старины с их надписями, кое-какие засаленные, запыленные книги свидетельствуют, что когда-то и татары могли писать и говорить красиво, умели задумываться над вещами, требующими мысли, понимали красоты Гафиза, человечность Шейх-Саади и смелый полет мысли Ибн-Сины и других арабских и персидских писателей и философов.

Русские мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы.

Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покоренному, вообще чуждому племени, как наши старшие братья, русские.

Русский человек и простого, и интеллигентного класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на своих, не выказывая, не имея узкого племенного себялюбия. Мне приходилось видеть, как арабы и индусы были в неловком положении среди высокообразованного парижского и лондонского общества, несмотря на всю изысканную деликатность обращения с ними, а может быть, и благодаря ей. Сыны Азии как бы чувствовали в отношении к себе деланность, натяжку и обидное снисхождение. Это мне доказывали многие арабы, алжирские выходцы, служащие или торгующие во Франции. Эту черту племенной гордыни или самомнения я наблюдал у турок, у которых, за отсутствием европейской галантности, она выступает рельефнее...

Слава Богу, не то приходится видеть у русских. Служащий или образованный мусульманин, принятый в интеллигентном обществе, торговец в среде русского купечества, простой извозчик, официант в кругу простого люда — чувствуют себя одинаково хорошо и привольно, как сами русские, не тяготясь ни своим происхождением, ни отношениями русского общества, так что образованные мусульмане, имевшие случай знакомиться с разными европейскими обществами, наиболее близко, искренне сходятся с русскими людьми. Это не более как следствие едва уловимого качества русского национального характера, качества, которое, я уверен, весьма важно для будущего русских и живущих с ними племен.

Вопрос 6

Балл: 70,00

Напишите эссе **на одну** из представленных тем

Эссе, написанное на русском языке, следует предварить англоязычной аннотацией объемом около 120 слов. Эссе можно написать на английском. В этом случае аннотация не требуется.

Темы эссе:

Культурная антропология:

1. Постколониальные исследования: идеи и теории;
2. Исследуя город: современные теории в городских исследованиях;
3. Какую роль играет культурное разнообразие в современном мире?

Визуальная культура:

1. Кино в цифровую эпоху: специфика функционирования, рецепция, динамика;
2. Звук и изображение в современных культурных средах;
3. Тело в современной визуальной культуре и медиа.

Уважаемые участники! В рамках трека «Классический и современный Восток» вам предлагается выполнить задания одного из блоков:

- Блок «Классическая персидская литература»: задания № 7–8
- Блок «Буддизм в Индии»: задания № 9–10

Нужно выполнить **только один блок заданий** по выбору. Каждый блок состоит из двух заданий – перевода текста с одного из языков традиции (и ответы на вопросы по тексту) и анализа научного текста по соответствующей специальности. В блоке по классической персидской литературе предлагается перевод текста с классического персидского языка на русский и анализ фрагмента иранистического научного текста. В блоке, посвященном буддизму в Индии и сопредельных странах – перевод с санскрита и анализ фрагмента буддологического научного текста.

При выполнении заданий, относящихся к разным блокам внутри данного трека, оцениваться будут только задания одного из блоков на выбор жюри. Апелляции на выбор блока для проверки не принимаются.

Вопрос 7

Балл: 40,00

Блок «Классическая персидская литература». Вам нужно выполнить оба задания только одного из блоков в рамках трека

Переведите текст письменно (примечания переводить не нужно).

Письменно ответьте на следующие вопросы:

- 1) Как вы считаете, когда (приблизительно) был написан этот текст? Какие признаки на это указывают?
- 2) Какова жанровая принадлежность сочинения, из которого взят этот отрывок? Почему вы так считаете? Какие сочинения этого жанра вы можете назвать? Как обычно строятся сочинения подобного жанра? К какой части сочинения может, по-вашему, относиться данный отрывок?
- 3) Попробуйте предположить, кто автор текста.

اسکندر ذوالقرنین روزی تا شب در مجلس حکومت نشسته بود و هیچ کس بدو رفع حاجتی (1) نکرد، چون وقت برخاستن آمد، ندمای خود را گفت که: من امروز را در حساب عمر نمی شمارم. یکی از ایشان پرسید که: روزی که در صحت و فراغت گذرد و در سلامت و کرامت به شب رسد و امور بر نهج مرام (2) و مهمات به مراد و کام فراغت خاطر میسر و محصل باشد، و خزانه معمور (3) و سپاه مکمل. اگر ملک این روز را از عمر حساب نکنند، پس کدام روز را در شمار عمر توان آورد؟ گفت: روزی که از پادشاه راحتی به مظلومی نرسد و حاجت محرومی روا نگردد، چگونه از عمر توان شمرد؟ قطعه:

ز عمر آن قدر بیش ناید به کار
که در نفع خلق خدا بگذرد
وز آن زندگانی چه حاصل بود
که در کار نفس و هوا بگذرد

آورده اند که پادشاه چین از اسکندر پرسید که لذت سلطنت در چه چیز یافتی؟ گفت: در سه چیز: اول دشمنان را منکوب (4) و مغلوب ساختن؛ دویم دوستان و هواداران را سر برافراختن؛ سیم محتاجان را به روا کردن حاجت بناختن (5) و غیر ازین هر لذتی که بود هیچ اعتباری ندارد. مثنوی:
<...> بسی پادشاهان گردن فراز
گذشتند ازین کارگاه مجاز
از ایشان کسی گوی دولت ربود
که در بند آسایش خلق بود

- (1) رفع حاجت: خواستن نیازمندی.
- (2) مرام: مراد. مطلب. منظور. مقصود. مطلوب. آرزو.
- (3) معمور: آبادان.
- (4) منکوب: رنج دیده، دچار نکبت شده.
- (5) نواختن: نوازش کردن، دلجویی نمودن.

Вопрос 8

Балл: 30,00

Блок «Классическая персидская литература». Вам нужно выполнить оба задания только одного из блоков в рамках трека

Прочитайте текст и дайте развернутый ответ на вопросы:

- 1) Какова основная идея автора? Какое противоречие он стремится подчеркнуть?
- 2) Как вы понимаете концепцию *Balkans-to-Bengal complex*? Какие схожие концепции вы знаете? В чем их отличие от предложенной автором?

Анализ текста выполняется на русском языке. Оптимальный объём текста – 3 000 знаков

From: Shahab Ahmed. What Is Islam?: The Importance of Being Islamic.

The fourth question: when the most widely-copied, widely-circulated, widely read, widely-memorized, widely-recited, widely-invoked, and widely proverbialized book of poetry in Islamic history—a book that came to be regarded as configuring and exemplifying ideals of self-conception and modes and mechanisms of self-expression in the largest part of the Islamic world for half-a-millennium—takes as its definitive themes the ambiguous exploration of wine-drinking and (often homo-)erotic love, as well as a disparaging attitude to observant ritual piety, is that canonical work and the ethos it epitomizes *Islamic*?

I refer, of course, to the *Dīvān* (Complete Poems) of Shams-ud-Dīn Muḥammad Ḥāfiẓ of Shīrāz (1320–ca.1390). The *Dīvān* of Ḥāfiẓ was, in the period between the fifteenth and the late-nineteenth centuries, a pervasive poetical, conceptual and lexical presence in the discourse of educated Muslims in the vast geographical region extending from the Balkans through Anatolia, Iran and Central Asia down and across Afghanistan and North India to the Bay of Bengal that was home to the absolute demographic majority of Muslims on the planet (the historical constitution of which has already been noted, above, with regard to the teaching in *madrasahs* of the basic philosophical-theological handbook, the *Hidāyat al-ḥikmah*). To this temporal-geographical entity I will henceforth refer as the *Balkans-to-Bengal complex*. The *Dīvān* of Ḥāfiẓ consists of about five hundred ghazals in Persian: the *ghazal* being a poem written in rhyming couplets in the voice of a lover on the theme of loving an impossibly beautiful and habitually unattainable beloved.

The performative *mise-en-scène* for the *ghazal* is a drinking-assembly of the poet's social peers where the shared individual experience of loving is configured in and expressed by the consumption of wine as the definitive medium for the intoxication (that is, deepening and heightening and expanding) of the physical and imaginal senses. The *ghazal* became the pre-eminent literary form of self-construction and self-articulation – the *literary* being a discourse that is socially valorized as being rhetorically worked, experientially charged, and imaginally invested for the purpose of creating, retaining and communicating social and existential meaning. The *ghazal* played this function most especially in societies of Muslims speaking Persian, (different types of) Turkish, and Urdu in the world of the Balkans-to-Bengal complex; Ḥāfiẓ being recognized as the most celebrated exemplar of this highly interallusive, inter-referential, and inter-textual discourse. It is most telling that the two most important commentaries on Ḥāfiẓ were composed in the middle of the historical age of the Balkans-to-Bengal complex by two contemporaries from the distant geographical poles of the region: Aḥmed Sūdī of Sarajevo (d. 1598),⁷⁹ and Abū-l-Ḥasan Khātāmī of Lahore (fl. 1617).

Вопрос 9

Балл: 40,00

Блок «Буддизм в Индии». Вам нужно выполнить оба задания только одного из блоков в рамках трека

Переведите текст письменно.

Письменно ответьте на следующие вопросы:

- 1) О чем памятник, фрагмент которого предложен для перевода?
- 2) К какому жанру относится этот текст?
- 3) Что это за произведение и кто его автор?

कनकवलयभूषितप्रकीर्णैः कमलनिभैः कमलानि च प्रविध्य³ ।
अवनततनवस्ततोऽस्य यक्षाश्चकितगतेर्दधिरेखुरान् कराग्रैः⁴ ॥८१॥
गुरुपरिघकपाटसंवृता या न सुखमपि द्विरदैरपात्रियन्ते⁵ ।
व्रजति नृपसुते गतस्वनास्ताः स्वयमभवन् विवृताः पुरः प्रतो-
ल्यः ॥८२॥

Вопрос 10

Балл: 30,00

Блок «Буддизм в Индии». Вам нужно выполнить оба задания только одного из блоков в рамках трека

Прочитайте текст и дайте развернутый ответ на вопросы:

- 1) В чем состоит основная идея текста?
- 2) В чем заключается суть концепции *Greater Magadha*?

Анализ текста выполняется на русском языке. Оптимальный объем текста – 3 000 знаков

From: Bronkhorst, J. *Greater Magadha*.

Not long after the year 150 BCE, the grammarian Patañjali gave the following description of the “land of the Āryas” (*āryāvarta*):

Which is the land of the Āryas? It is the region to the east of where the Sarasvatī disappears (*ādarśa*), west of the Kālaka forest, south of the Himalayas, and north of the Pāriyātra mountains.

Not all the terms of this description are clear, but whatever the precise meaning of “Kālaka forest”, this passage states clearly that the land of the Āryas had an eastern limit. Three to four centuries later, the situation has changed. The Mānava Dharma Śāstra (2.22) characterizes Āryāvarta as extending from the eastern to the western sea:

The land between the same mountain ranges [i.e., Himalaya and Vindhya] extending from the eastern to the western sea is what the wise call “Āryāvarta”— the land of the Āryas.

The immediately preceding verse (Manu 2.21) shows that the Mānava Dharma Śāstra was familiar with the description of Patañjali’s Mahābhāṣya, or with one similar to it, but that it reserves the designation “Middle Region” (*madhyadeśa*) for what Patañjali calls Āryāvarta:

The land between the Himalaya and Vindhya ranges, to the east of Vinasana and west of Prayāga, is known as the “Middle Region”.

It seems likely that Patañjali’s Kālaka forest was near Manu’s Prayāga, situated at the confluence of the two rivers Gaṅgā and Yamunā – in English: Ganges and Jumna – near the present Allahabad.

These passages suggest that an important change took place between the second century BCE and the second or third century CE. While the Brahmins of the second century BCE looked upon the eastern Ganges valley as more or less foreign territory, the Brahmins of the second or third centuries CE looked upon it as their land.

The passage from Patañjali’s Mahābhāṣya occurs in virtually identical form in some other texts, viz., the Baudhāyana Dharma Sūtra (1.2.9) and the Vasiṣṭha Dharma Sūtra (1.8-12). Both these texts add that, according to some, Āryāvarta is the land between the Gaṅgā and the Yamunā, which supports

the idea that the Kālaka forest was indeed situated at or near the confluence of these two rivers. Olivelle (2000: 10) argues that these two Dharma Sūtras are later than Patañjali. If this is correct, it supports the view that the region east of the confluence of the Gaṅgā and the Yamunā was still more or less foreign territory for many Brahmins even after Patañjali.

The change that is recorded here concerns the eastward spread of Brahmanism. This spread cannot be dissociated from individual Brahmins moving eastward. However, the arrival of individual Brahmins does not, of itself, gain a territory for Brahmanism. For this to happen, Brahmins have to be recognized as Brahmins, i.e., as people who are members of the highest group of society by birthright. This recognition has to come from other members of society, to begin with local rulers. All this takes time, and a prolonged presence of Brahmins.

According to the passages cited above, the region east of the confluence of the Gaṅgā and the Yamunā was not considered Brahmanical territory at the time of Patañjali. This does not exclude that there were Brahmins living there. Rather, it suggests that the Brahmins living in it did not receive the esteem which they deemed themselves entitled to. In Patañjali's Āryāvarta, on the other hand, we may assume that they did receive this esteem, at least to some extent. The Brahmins' predominant social position in this region allows us to use the expressions "Brahmanical society" or "Vedic society" for the period during which Vedic texts were still being composed. These expressions do not, of course, imply that all members of this society were Brahmins, even less that they were all Brahmins who performed Vedic rituals.

That the region east of the confluence of the Gaṅgā and the Yamunā was not Brahmanical territory is supported by the little we know about the political history of the Ganges valley east of the confluence with the Jumna. It is here that the foundations were laid for the Mauryan empire that came to cover a large part of the South Asian subcontinent. If our sources can be believed, none of the rulers involved were especially interested in the Brahmins and their ideas. The early kings of Magadha — Śreṇika Bimbisāra and Ajātaśatru — were claimed as their own by Buddhists as well as by Jainas. The Nandas, who consolidated imperial power at Pāṭaliputra around 350 BCE, appear to have become zealous patrons of the Jainas. Candragupta Maurya overthrew the Nandas, but may have had no more interest in the Brahmins than those whom he replaced. He himself is said to have converted to Jainism and died a Jaina saint. His son Bindusāra patronized non-Brahmanical movements, particularly the Ājīvikas. Aśoka was interested in Buddhism; his immediate successors in Ājīvikism and Jainism. It is only with the Śuṅgas, who were Brahmins themselves, that Brahmins may have begun to occupy the place in society which they thought was rightfully theirs. This happened around 185 BCE. Forty or fifty years later, as we have seen, Patañjali the grammarian was still not ready to look upon the Ganges valley east of the confluence with the Jumna as being part of the land of the Āryas.

Until Patañjali's date and perhaps for some time after him, our sources suggest, the region east of the confluence of the Gaṅgā and the Yamunā was not primarily Brahmanical. I will henceforth refer to this area as Greater Magadha. It serves no purpose at this point to define exact limits for it. Greater Magadha covers Magadha and its surrounding lands: roughly the geographical area in which the Buddha and Mahāvīra lived and taught. With regard to the Buddha, this area stretched by and large from Śrāvastī, the capital of Kosala, in the north-west to Rājagṛha, the capital of Magadha, in the south-east. This area was neither without culture nor religion. It is in this area that most of the second urbanization of South Asia took place from around 500 BCE onward. It is also in this area that a number of religious and spiritual movements arose, most famous among them Buddhism and Jainism. All these events took place within, and were manifestations of, the culture of that part of northern India. We know very little and have to depend on indirect evidence for information about the aspects of this culture that preceded Buddhism and Jainism, and about those that did not find direct expression in these two religions.